

УДК 14

DOI: 10.17223/1998863X/55/14

О.И. Целищева

ГЕРМЕНЕВТИКА ГАДАМЕРА В НЕОПРАГМАТИЗМЕ РОРТИ: ФИЛОСОФИЯ КАК «РАЗГОВОР»¹

Статья посвящена соотношению аргументации и герменевтики как стилей философствования в неопрагматизме Р. Рорти, в работах которого герменевтика Г.-Г. Гадамера использовалась как противовес аналитической традиции. Показано, что заимствование Рорти концепции философии как «разговора» приводит к устранению аргументации в пользу риторики «нового неопрагматизма» Р. Бернштейна и Дж. Марголиса. Показано, что усилия Рорти направлены на то, чтобы понять, как гадамеровское описание философской мысли может быть интегрировано с альтернативными описаниями, используемыми аналитическими философами.

Ключевые слова: Рорти, герменевтика, Гадамер, аргументация, риторика, неопрагматизм.

Неопрагматизм Ричарда Рорти испытывал влияние многих источников, от классического прагматизма Джона Дьюи до постмодернистских «постфилософских» концепций. Несмотря на суровую критику аналитической философии, его стиль несет значительный отпечаток аргументативных методов последней. Продвижение им тематики континентальной философии в Америку сопровождалось заимствованием ее методов, в частности герменевтики как альтернативы сайентизму. Выдвижение на первый план концепции языка у Рорти, таким образом, является сочетанием противоречивых процессов: с одной стороны, знаменитая антология «Лингвистический поворот» [1] под редакцией Рорти, с другой стороны, концепция философии как «разговора человечества». Хотя и разделенные временем, эти две тенденции продолжали конфликтовать в творчестве Рорти, и одним из проявлений этого конфликта является неявное противостояние в неопрагматизме методов аргументации и герменевтики. Несмотря на то, что выдвижение герменевтики на первый план было сделано Рорти уже в его главной книге «Философия и зеркало природы» [2], представляет интерес его представление о месте герменевтики, особенно в стиле Гадамера, в конфликте сайентистского прагматизма и постмодернизма континентальной философии.

В основе статьи лежит анализ рецензии Р. Рорти на книгу Г.-Г. Гадамера «Разум в век современной науки» [3]. Рецензия под названием «Being that can be understood is language – Richard Rorty on H.-G. Gadamer» помещена в London Review of Books, Vol. 22, No. 6, 16 March 2000, p. 23–25, и доступна только онлайн (URL: <https://www.lrb.co.uk/the-paper/v22/n06/richard-rorty/being-that-can-be-understood-is-language>). По этой причине все цитаты Рорти в тексте статьи не имеют точных ссылок, но читатель может легко найти их в исходном тексте. Следует заметить, что труднодоступные рецензии Рорти в различных изданиях, к сожалению, не вошедшие в собрания сочинений Рор-

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (проект № 19-011-00437).

ти, являются ценнейшим источником представлений о его философской эволюции.

Ведущая тема в неопрагматизме Ричарда Рорти – философия как «разговор человечества» – в значительной степени обязана влиянию крупнейшего герменевта того времени Ганса-Георга Гадамера. Однако не стоит, во-первых, полностью лишать своеобразия герменевтических упражнений самого Ричарда Рорти, а во-вторых, полагать влияние Гадамера на Рорти благотворным во всех отношениях. Близкий друг молодости Дика Рорти по Принстону, известный специалист по философии политики и прикладной этики Раймон Гойс рассказывает следующую историю: «Дик случайно упомянул, что он только что закончил читать книгу „Истина и метод“ Гадамера. Мое сердце екнуло от того, как он произнес эту новость... потому что все указывало на то, что впечатлен этой книгой. У меня было предчувствие, которое также оказалось верным, что я не смогу убедить его в том, что не стоит восхищаться работой человека, которого я знал довольно хорошо как своего бывшего коллегу в Гейдельберге и которого я считал реакционным, раздутым болтуном. Целые годы я пытался дать понять Дику, кто такой Гадамер, прибегнув даже к удару ниже пояса, упомянув выступление Гадамера в немецком посольстве в оккупированном Париже в 1942 г., в котором Гадамер обсуждал положительную роль, которую Гердер мог бы сыграть в уничтожении остатков таких коррумпированных и дегенеративных явлений, как индивидуализм, либерализм и демократия, в Новой Европе, возникшей при национал-социализме. Все это никак не повлияло на Дика. Его ответ на эту историю состоял в том, что Гадамер, вероятно, хотел съездить в Париж „на халяву“... и в сложившихся обстоятельствах приглашение в германское посольство было единственным способом сделать это. На все другие мои аргументы... я наткнулся на знакомое пожатие плеч Рорти, которое могло выглядеть так, как будто Дик выключил свой приемный аппарат» [4. Р. 86].

Как известно, Гадамер привлек внимание Рорти представлением философии как «разговора». Известно также, что истоки этой идеи следует искать в германской поэзии Гельдерлина, которая в немалой степени оказалась инспирацией для творчества М. Хайдеггера. Немецкий поэт Фридрих Гельдерлин сочинил гимн под названием *Friedensfeier*, построчный перевод отрывка из которого звучит и загадочно, и пророчески:

Человек научился многому.

Он дал имя божественным бытиям,

И с тех пор мы стали разговором

И смогли слышать друг друга [Ibid. Р. 87].

Метафора человеческого существа как разговора увлекла Гадамера, сделав концепцию языка в существенной степени основой его герменевтики. Хайдеггер пошел дальше Гадамера, признав высшей степенью «разговора» диалог. В центре внимания обоих оказался проект именования того, что представлено нам в языке. Для Хайдеггера – это Бытие, а для Гадамера – боги. Ясно, что при реализации такого проекта «степени свободы разговора» довольно широки.

Заимствование Рорти концепции разговора приводит к столкновению двух языковых проявлений – аргументации и риторики. Часто трудно противопоставлять жестко две эти вещи, но для так называемого «нового неопраг-

матизма» Бернштейна [5] и Марголиса [6] как наследников неопрагматизма Рорти такое противопоставление является важным. Рорти, в сочинениях которого о важности герменевтики парадоксальным образом используется аргументативная техника [2], безусловно, ответствен и за усиление риторической составляющей неопрагматизма.

Цель данной статьи заключается в демонстрации нескольких примеров трансформации аргументации в риторику с целью ослабления важности первой. Следует заметить, что после написания книг Рорти предпочел эссеистику, лучшие образцы которой представлены в пяти томах его избранных работ. Но множество интересных заметок и важных наблюдений Рорти разбросано по разным местам. В этом отношении очень интересными представляются рецензии Рорти на книги и статьи различных философов, где его остроумие сочетается с проницательным анализом, несмотря на весьма ограниченный объем рецензий. Так, непосредственным поводом анализа стратегии введения в действие неопрагматистской риторики явилось малоизвестное обозрение Ричардом Рорти идей Г.-Г. Гадамера под общим названием *Being that can be understood is language* (Быть значит быть понятым в языке) [7. Р. 23–25]. Написанное незадолго до преждевременной смерти философа в 2007 г., это обозрение несет на себе печать пессимизма, главной особенностью которого является отчетливая стратегия трансформации философских аргументов, к которым Рорти имел вкус, в довольно простые риторические приемы, отмеченные рядом упрощений неопрагматизма.

При сопоставлении риторики и аргументации Рорти часто стоит перед сложным выбором. Дело в том, что герменевты торжественно объявляют, что наука не в силах трактовать все те вопросы, которые традиционно относятся к философии. Однако дело в том, что есть очень серьезные мыслители, которых Рорти считает своими союзниками в прагматизме, такие как У. Куайн, Х. Патнэм, Д. Дэвидсон и М. Даммит, главным делом которых является как раз аргументация, а Куайн вообще не замечает границы между философией и наукой. Будучи привлечен самой идеей герменевтики в духе Гадамера, Рорти вынужден сопоставлять герменевтику с ее откровенно религиозным уклоном с сайентистскими взглядами таких аналитических философов, как Фреге и Рассел.

В своей рецензии Рорти делает очень важный и вполне обоснованный ход, говоря, что нынешние аналитические философы типа С. Крипке и Т. Куна уже не чета отцам-основателям аналитической философии типа Б. Рассела или А. Айера, сочинениям которых свойствен откровенный сайентизм, который с жесткой научной толкой аргументацией стал старомодным. Рубеж, с точки зрения Рорти, ассоциируется со временем, когда аналитические философы начали читать такие книги, как *Структура научных революций* Куна и *Философские исследования* Витгенштейна. Под влиянием этих мыслителей риторика начинает замещать аргументацию. Это заметно как в общем контексте, так и в специальных философских дискуссиях.

В качестве примера последней можно привести историю с введением очень известной концепции твердых десигнаторов виднейшим аналитическим философом С. Крипке. Эта концепция имеет четкое значение в квантовой модальной логике. Крипке применил концепцию твердых десигнаторов для возрождения метафизики определенного рода (говоря о сущностях), и многие ожидали, что подтверждением такого использования будет ряд тон-

ких технических деталей. Однако к разочарованию публики Крипке объявил свое возрождение метафизики результатом своей интуиции. Отдавая должное интуиции виднейшего логика, реакция сообщества не стала однозначной и была даже встречена некоторыми философами с негодованием. Я. Хинтикка выразил неприятие замены аргументации интуицией весьма темпераментно в статье под названием «Кто там готов убить аналитическую философию?» [8. Р. 253–269], потому что провозглашение интуиции философа частью предполагаемой аргументации означает шаг от настоящей аргументации к тому, что можно назвать риторикой.

Но такие шаги были предприняты в более общем дискурсе, начиная с того же Т. Куна, который самую аргументативную дисциплину – физику – превратил, по общему мнению, в иррациональное предприятие [9]. Вторжение историцистских и социологических реалий в историю науки со стороны таких людей, как Б. Латур [10], Я. Хакинг [11], а также неявная поддержка сходных идей со стороны Д. Дэвидсона [12. С. 144–159] и Х. Патнэма [13], размыла в значительной степени границу между собственно научными и гуманитарными дисциплинами.

Такую ситуацию с разграничением гуманитарных и естественнонаучных дисциплин разделяют отнюдь не все. Некоторые логики переносят свои логические конструкции на «алетическую» почву, приписывая реальность возможным мирам, как это делает Д. Льюис [14], или отдавая предпочтение своей метафизической «интуиции» в понимании механизма действия языка, как этой делает С. Крипке [15], предполагая при этом, что их конструкции имеют большую близость с реальностью, чем гуманитарные «фантазии». Пожалуй, наиболее интересной и спорной стороной их позиции является отождествление своей работы с антиметафизической борьбой, аналогичной борьбе Рассела с Бергсоном [16. Гл. 28] или Карнапа с Хайдеггером [17]. Более того, они полагают, что поздний Витгенштейн существенно добавил иррационализма, настаивая на устранении традиционных различий между необходимостью и контингентностью, между сущностью и случайностью и т.д. В этом же духе они полагают, что идеи Куна существенно смещают точные науки с вершины эпистемологической иерархии знания.

Столкновения историцистов (или постпозитивистов) с традиционным подходом к истории науки являются предметом многих работ. В данном контексте нам важно указать, что Р. Рорти и его последователи использовали эту полемику в своих целях. И действительно, если «герменевтика» *Зеркала* Рорти была относительно умеренной, в обсуждаемой рецензии Рорти усиливает ее за счет того, что аргументирует в пользу более «жесткой» версии Гадамера, а именно его знаменитого лозунга: «Бытие может быть понято в языке» (*Sein, das verstanden werden kann, ist Sprache*). Такое обострение постановки вопроса лишает дискуссию нюансов и переводит ее в плоскость обвинения Гадамера в том, что он «изобрел лингвистическую разновидность идеализма».

В такого рода обсуждениях важны детали. В данном случае речь у Гадамера идет о противопоставлении описания природы, как это делается в науке с целью получить объективную картину реальности, и понимания языка, на котором это делается. С точки зрения герменевтики Гадамера понимание не может превзойти описания. При этом нужно учесть, что «единственного правильного описания природы» быть не может, и никакие «прозрения» ученых

не могут претендовать на привилегированное описание. Другими словами, возвращаясь к упрощенной постановке, различие между идеализмом и реализмом состоит в том, что описания окружают предполагаемый «объект» таким образом, что предполагаемое различие между «нами» и «объектом» – это просто пережиток метафизики. В определенном смысле понимание может быть множественным и произвольным, в то время как описание претендует на точность. Аналогия с ситуацией противопоставления аргументации и риторики здесь напрашивается сама собой.

Описание в науке преследует цель получения все более точного и объективного представления о реальности. Мы изобретаем все новые понятия в такого рода описаниях (например, «кварк»), но для Гадамера с его лингвистическим идеализмом «понимание» выше «объяснения», а для прагматиста «понимание» есть способ «описания нашей способности связывать старые описания с новыми». То есть в любом исследовании мы не можем вырваться за пределы языка.

Как и в большинстве случаев с континентальными философами, их дискурс, посвященный естественным наукам, неясен и неинформативен. Явно, что Гадамер не готов давать адекватного объяснения роста научного знания. В этом отношении Рорти гораздо более компетентен и тем не менее, по каким-то не очень ясным причинам, тонкость аргументации в связи с его пониманием Куна внезапно уступает простоте «лингвистического идеализма» Гадамера. Используя понятие горизонта Гадамера, Рорти объясняет прогресс науки формулированием новых описаний физической Вселенной, а затем слиянием горизонтов этих новых дискурсов с горизонтами здравого смысла и старыми научными теориями. В этом отношении характерен пассаж из рецензии Рорти: «То, что метафизики называют приближением к истинной природе объекта, номиналисты называют изобретением дискурса, в котором новые предикаты приписываются вещи, ранее идентифицированной старыми предикатами, а затем делают эти новые атрибуции согласованными с более старыми способами, которые спасают явления» [18].

При неясности понятия «горизонта» Гадамера этот пассаж переходит из разряда аргументации в разряд риторики. Это один из точных моментов становления риторики как главного герменевтического инструмента неопрагматизма. Само по себе заимствование новых терминов не является чем-то удивительным, и больше того, оно ничего не решает в отдельности. Но Рорти взывает к братьям по прагматизму, в частности, обращаясь к концепции историцизма своего ученика гегельянского толка Р. Брэндома, согласно которому понять природу объекта – значит суметь пересмотреть историю понятия этого объекта. Поскольку эта история есть история использования различных слов, применяемых для описания объекта, вряд в этой запутанной лингвистической сети можно вообще обнаружить сам объект. При такой сложности возникает тот самый вопрос: а не является ли предположение о наличии самого объекта остатком устаревшей метафизики? Крайнее отрицание такой метафизики состоит в отказе от понятия «внутренней природы объекта» и замене ее «согласованностью убеждений». Радикализм подобных решений в истории философии не является новостью, но новизна «лингвистического идеализма» Гадамера состоит в том, чтобы ликвидировать вообще подобное противостояние, отбросив как тезис, так и антитезис. Именно в радикализме подобного рода Рорти усматривает интерес и новизну риторики. Риторика

тем и хороша, что использование интересных метафор «схватывает воображение», что является для Рорти одним из наиболее важных привлекательных черт философского дискурса. Так, очевидно, потворствуя в известной степени феминистской трактовке роста знания, Рорти использует внешние для философов науки метафоры, относящиеся к методам естественных наук: «...от греков до наших дней этот процесс обычно описывался с помощью фаллоцентрических метафор глубины. Чем глубже и глубже проникает наше понимание чего-либо, тем дальше мы от внешнего вида и тем ближе к реальности. Эффект принятия лозунга Гадамера состоит в замене этих метафор глубины метафорами широты: чем больше доступных описаний и чем больше интеграции между этими описаниями, тем лучше наше понимание объекта, идентифицируемого любым из этих описаний» [18].

Другой пример превращения аргументации в риторику можно видеть у прагматистов при трактовке понятия «приближение к реальности», которое одинаково употребляется прагматистами в науках гуманитарных и науках точных. Фактически мы имеем дело здесь с лингвистическим трюком, осуществляемым в два приема Рорти и Гадамером последовательно.

По словам Рорти, «...в естественных науках очевидным примером такого лучшего понимания является интеграция макроскопического с микроскопическим словарем. Но различие между этими двумя наборами описаний имеет не большее онтологическое или эпистемологическое значение, чем различие между описанием согласованностью убеждений в терминах ортодоксальной католической теологии и описанием в терминах сравнительной антропологии. Ни в том, ни в другом случае нет ни большей глубины, ни более близкого приближения к реальности» [Ibid.].

Но если при этом Рорти допускает, что «...мы лучше понимаем материю после того, как корпускулы Гоббса дополняются атомами Дальтона, а затем атомами Бора, а также лучше понимаем мессу после Фрейзера и еще лучше после Фрейда» [Ibid.]. Но, согласно Гадамеру, даже сейчас у «...нас все равно нет искушения сказать, что теперь мы понимаем, что такое материя или масса на самом деле. И все по той причине, что мы не должны принимать во внимание различие масштабов объясняемого» [Ibid.].

Для понимания того, что происходит, нужно, как говорят, внимательно «следить за руками». Сравнение масштабов макромира и микромира трансформируется у Гадамера в сравнение явления и реальности, старой философской (скомпрометированной) проблемы. Аргументация в рамках традиционной проблемы явления и действительности подменяется риторикой о сравнении масштабов. *Это типичный пример подмены аргументации риторикой.* Дабы подмена была не столь нарочитой, мнимая важность различения явления и действительности для случаев гуманитарного и естественного знания доводится до абсурда. Вот типичный образец такой подмены: «Различие между видимостью и реальностью не более уместно для описания успехов, достигнутых между Пристли и Бором, чем успехи, достигнутые в нашем понимании „Илиады“. Мы гордимся тем, что сумели соединить собственные описания Гомером его стихов с описаниями Платона, Вергилия, Папы Римского, филологов XIX в. и ученых-феминисток XX в. Но мы не говорим и не должны говорить, что проникли за завесу видимостей, которая изначально отделяла нас от внутренней природы поэмы» [Ibid.].

Такое, по сути, тривиальное устранение традиционной философской аргументации принимает для убедительности несколько другой вид, а именно, проблемы соотношения человеческого и созданных им артефактов, или симулякров. В этом смысле Рорти спокойно уподобляет споры ученых и теологов спорам об интересных философских различиях между языком и нечеловеческими сущностями. Но только теперь проблема формулируется как противостояние языкового и неязыкового. Это другой пример трансформации аргументации в риторику, потому понимание неязыкового и языкового отнюдь не тождественно соотношению явления и действительности. Эта риторика полезна для прагматистов и по той причине, что сюда можно привлечь массу ассоциаций, например споры «физиков» и «лириков», ученых и теологов, сторонников и противников искусственного интеллекта, вплоть до возражений М. Хайдеггера против технологии. Такова природа риторики, которая гораздо шире аргументации.

Фактически главный прием замены аргументации риторикой в случае Рорти с помощью приемов Гадамера сводится к введению нового глоссария вместо старых философских различий, ограничивая теперь этот глоссарий «игрой в бисер» в духе Г. Гессе. Довольно интересно, что сам Рорти вполне признает, что Гадамера часто обвиняли в изобретении лингвистической разновидности идеализма. Однако такое суждение, по Рорти, равносильно тому, чтобы выплеснуть купающегося ребенка из ванночки с грязной водой. Потому что сам по себе вопрос о важности «лингвистического поворота», на который в конечном счете опирается и Гадамер, имеет и другие важные измерения. Воскрешение «метафизики» в духе Крипке с его алетическими модальностями есть шаг назад по сравнению с тем, что достигли уже старые аналитические философы. Рорти считает, что «наша способность отмахнуться от этого вопроса возросла, когда мы приняли то, что Густав Бергман назвал „лингвистическим поворотом“ – поворотом, который более или менее одновременно сделали Фреге и Пирс. Ибо этот поворот в конечном счете сделал возможным для логических позитивистов, таких как Айер, деме-тафизизировать теорию когерентности истины. Они призывали нас перестать говорить о том, как преодолеть пропасть, отделяющую субъекта от объекта, и говорить вместо этого о том, как обосновываются утверждения предложений. Позитивисты видели, что, заменив „опыт“, „идеи“ или „сознание“ языком, мы уже не можем реконструировать утверждение Локка о том, что идеи первичных качеств имеют какое-то более близкое отношение к реальности, чем идеи вторичных качеств. Но именно это воскрешает восстание Крипке против Витгенштейна. При этом крипкеанцы провозглашали, что лингвистический поворот был плохой, идеалистической идеей» [18].

С точки зрения Рорти, спор внутри аналитической школы между сторонниками «интуиции» (С. Крипке) и аргументации (Я. Хинтиikka) упирается в спор о том, какова доля истины в идеализме. С более технической точки зрения, гораздо более близкой к сути дела, речь идет о правомерности использования алетической или эпистемической интерпретации кванторной модальной логики. Этот важный спор о природе знания *de dicto* или *de re* действительно интересен, но он требует серьезнейшей аргументации, и тут Рорти вместе с Гадамером совершает новый трюк, обращая аргументацию в риторику. Потому что эта ссора может рассматриваться, с точки зрения Хайдеггера, как

идея о достижении с помощью мышления подлинного мастерства в овладении сутью Вселенной. Рорти утверждает, что «по мнению Хайдеггера, фаллоцентрические метафоры глубины и проникновения метафизиков являются выражением воли к овладению внутренней цитаделью Вселенной. Идея отождествления с объектом познания, равно как и идея представления его таким, каков он есть на самом деле, выражает желание овладеть силой этого объекта» [18].

В этом повороте разговора нельзя не увидеть резкого поворота от философской аргументации к еще более широкой риторике: идее контроля. С точки зрения Рорти, эту функцию, принадлежавшую ранее религии, теперь примерило на себя естествознание. Проблема состоит в том, дает ли лучшее (более полное) описание явления большее проникновение в сущность явления, на чем настаивают сторонники Крипке, или же дело состоит в лучшем переописании уже существующих обстоятельств, на которых настаивает Гадамер. «Преимуществом» герменевтики является то, что нет никаких ограничений на количество отношений, которые язык может захватить, контекстов, которые могут создать описательные словари. В то время как метафизик (или ученый) спросит, действительно ли существуют отношения, выраженные в новом словаре, герменевт спросит только, могут ли они быть совмещены с отношениями, схваченными предыдущими словарями, полезным образом. И этот момент, можно сказать, кульминационный в объяснении связи прагматизма и герменевтики, потому что возникает вопрос: полезный по какому критерию? И основным критерием тут оказывается практически абсолютная свобода от какой-либо «специализации» дискурса. Действительно, «те, кто следует Гадамеру, как и те, кто следует Хабермасу, отбросят этот проект ранжирования [дискурсов]. Они заменят его идеей того, что Хабермас называет „свободным от господства“ (*herrschaftsfrei*) разговором, который никогда не может закончиться и в котором барьеры между академическими дисциплинами столь же проницаемы, как и барьеры между историческими эпохами» [Ibid.].

Любопытно, что проницаемость барьеров подобного рода относится Рорти и к «альтернативным описаниям», которые свойственны аналитической философии, и эти описания могут быть интегрированы с совершенно другими описаниями (что, впрочем, постоянно и делает сам Рорти). В результате такой замены аргументации научного мы получаем два важнейших заключения, одно из которых носит характер предсказания о будущем философии, а другое – о завершении проекта всей западной метафизики. Эти два предсказания свидетельствуют о важности и целях замены аргументации риторикой в духе неопрагматизма.

Итак, коль скоро нет никаких барьеров, которые бы отделяли аргументацию от метафор и риторики, тогда, пишет Рорти: «Я подозреваю и надеюсь, однако, что по прошествии еще одного столетия различие, которое я только что использовал – различие между аналитической и неаналитической философией – поразит интеллектуальных историков как неважных философов в 2100 г., я подозреваю, что они будут читать Гадамера и Патнэма, Куна и Хайдеггера, Дэвидсона и Дерриду, Хабермаса и Ваттимо и Брандома бок о бок. Если они это сделают, то лишь потому, что они, наконец, отказались от сциентистской, разрешающей проблемы модели философской деятельности,

которой Кант обременял нашу дисциплину. Они заменят их разговорной моделью, в которой философский успех измеряется скорее сросшимися горизонтами, чем решенными проблемами или даже растворенными проблемами. В этой философской утопии историк философии не будет выбирать свой описательный словарь с целью отличить реальные и постоянные проблемы философии от преходящих псевдопроблем. Скорее, он выберет словарь, который позволит ему описать как можно больше прошлых фигур, принимая участие в одном связном разговоре» [18].

При таком обороте дела нет подлинных концептуальных конфликтов, и если и возникает соперничество, то, согласно Гадамеру, оно не воспринималось бы как спор о природе реальности и о том, кто ближе к ее пониманию. Это была бы борьба за то, чтобы захватить воображение читателя, чтобы заставить других людей использовать свой словарный запас. Рорти считает, что это и будет «...завершающим моментом разговора (*Vollzugsform des Gesprächs*), в котором выражается нечто (*eine Sache zum Ausdruck kommt*), что не является ни моей собственностью, ни собственностью автора текста, который я интерпретирую, но является общим. Заменить различие между видимостью и реальностью различием между ограниченным и более широким диапазоном описаний означало бы отказаться от идеи обсуждаемого нами текста или вещи (*Sache*) как чего-то отделенного от нас бездной, отделяющей язык от неязыка. На смену ему придет гадамеровское представление о *Sache* как о чем-то вечно готовом к захвату, вечно подлежащем переосмыслению и описанию в ходе бесконечного разговора. Эта замена означала бы конец поисков власти и завершенности, которые Хайдеггер называл „историей метафизики“» [Ibid.].

Фактически это и есть тот самый «конец философии», о котором так много заговорили с приходом постмодернизма. Так что проект замены аргументации риторикой в этом отношении представляется чуть ли не ключевым. И хотя видение этого процесса Ричардом Рорти представляется радикальным (и удивительным даже для его радикализма), оно полностью совпадает с процессом, который продолжили «новые неопрагматисты». Потому что сутью всех этих процессов является обращение к новым целям. Эти цели отнюдь не детерминируются поисками истины и объективности, свойственными традиционной метафизике.

Подтверждая эту мысль, Рорти пишет: «В этой традиционной метафизике господствовала мысль о том, что есть нечто нечеловеческое, чему люди должны стараться соответствовать, — мысль, которая сегодня находит свое наиболее правдоподобное выражение в научной концепции культуры. В будущей гадамеровской культуре люди хотели бы жить только друг с другом, в том смысле, в каком Галилей жил с Аристотелем, Блейк с Мильтоном, Дальтон с Лукрецием и Ницше с Сократом. Отношения между предшественником и преемником будут пониматься, как подчеркивал Джанни Ваттимо, не как обремененное властью отношение „преодоления“ (*Überwindung*), а как более мягкое отношение обращения к новым „целям“ (*Verwindung*). В такой культуре Гадамер будет рассматриваться как одна из фигур, которая помогла придать новый, более буквальный смысл линии Гельдерлина („*Seit wir ein Gespräch sind*“) (Мы стали разговором и смогли слышать друг друга)» [Ibid.].

Быть может, самым важным обстоятельством для понимания процессов, происходящих на нынешнем этапе в неопрагматизме (замена аргументации риторикой), выступает то, что мысли Рорти не являются, по его собственному признанию, объяснением подлинной сущности идей Гадамера. Скорее, они являются, по его же ироническому замечанию, «проповедью» под лозунгом: «Существовать – значит быть понятым в языке» (*Sein, das verstanden werden kann, ist Sprache*). И, опять же, стоит напомнить торжествующим герменевтам и прагматистам, готовым сменить аргументацию на риторику, что Рорти, вновь по его собственному признанию, делает это для того, чтобы поразмыслить, как гадамеровское описание недавней философской мысли может быть интегрировано с альтернативными описаниями, используемыми аналитическими философами.

Литература

1. *The Linguistic Turn* / ed. R. Rorty. Chicago : University of Chicago Press, 1967.
2. Рорти Р. Философия и зеркало природы / пер. с англ. В.В. Целищев. Новосибирск : Сиб. унив. изд-во, 1997.
3. *Gadamer H.-G. Reason in the Age of Modern Science*. Cambridge : The MIT Press, 1986.
4. *Geuss R. Richard Rorty at Princeton: Personal Recollections* // *Arion*. 2008. Vol. 15 (3), winter.
5. *Bernstein R. The Pragmatic Turn*. New York : Polity, 2010.
6. *Margolis J. Pragmatism without Foundations: Reconciling Realism and Relativism*. New York : Continuum, 2007.
7. *Rorty R. Being that can be understood is language* // *London Review of Books*. 2000. Vol. 22, № 6.
8. *Hintikka J. Who is about to Kill Analytic Philosophy* // *The Story of Analytic Philosophy* / ed. A. Biletzki, A. Matar. London : Routledge, 1998.
9. Кун Т. Структура научных революций. М. : АСТ, 2003.
10. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри сообщества. СПб. : Изд-во Европейского ун-та, 2013.
11. *Hacking I. Historical Ontology*. Cambridge : Harvard University Press, 2004.
12. Дэвидсон Д. Об идее концептуальной схемы // Грязнов А.Ф. Аналитическая философия : избранные тексты. М. : Изд-во МГУ, 1993.
13. Патнэм Х. Разум, истина и история. М. : Праксис, 2002.
14. *Lewis D. Counterfactuals*. Cambridge : Harvard University Press, 1973.
15. *Kripke S. Naming and Necessity*. Cambridge : Harvard University Press, 1970.
16. Рассел Б. История западной философии / подгот. текста В.В. Целищев. Новосибирск : Сиб. унив. изд-во, 2003.
17. *Moran D. Analytic philosophy and continental philosophy: four confrontations* // *The History of Continental Philosophy*. Durham : Acumen Publishing Limited, 2010.
18. *Firth M. Being that can be understood is language Richard Rorty on H.-G. Gadamer* // *London review on books*. Vol. 22, № 6, 16 March 2000. URL: <https://www.lrb.co.uk/the-paper/v22/n06/richard-rorty/being-that-can-be-understood-is-language> (accessed: 18.02.2020).

Oksana I. Tselishcheva, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: oxanatse@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 55. pp. 127–137.

DOI: 10.17223/1998863X/55/14

GADAMER'S HERMENEUTICS IN RORTY'S NEOPRAGMATISM: PHILOSOPHY AS "CONVERSATION"

Keywords: Rorty; hermeneutics; Gadamer; argumentation; rhetoric; neopragmatism.

Richard Rorty's neopragmatism was influenced by many sources, from John Dewey's classical pragmatism to postmodern "postphilosophical" concepts. Despite the harsh criticism of analytic philosophy, his style bears a significant imprint of the latter's argumentative methods. His promotion of

the subject of continental philosophy in America was accompanied by the adoption of its methods, in particular, hermeneutics as an alternative to scientism. Bringing Rorty's concept of language to the fore is thus a combination of contradictory processes: on the one hand, the revision of the famous *Linguistic Turn* and, on the other hand, the concept of philosophy as "the conversation of mankind". Although separated by time, these two tendencies nevertheless continued to conflict in Rorty's works, and one of the manifestations of this conflict is the implicit opposition of the methods of argumentation and hermeneutics in non-pragmatism. The article analyzes Rorty's idea of the place of hermeneutics, especially in the Gadamer style, in the conflict of scientist pragmatism and continental philosophy's postmodernism. Rorty's borrowing of the concept of conversation leads to a collision of two linguistic manifestations—argumentation and rhetoric. The tendency of preference for rhetoric in this situation is one of the important doctrines of the so-called "new neopragmatism" of Richard Bernstein and Joseph Margolis. Rorty's position is controversial: in his writings, the argumentative technique of the scientist type is gradually replaced by a hermeneutic interpretation. The aim of this article is to demonstrate several examples of the transformation of argumentation into rhetoric as a philosophical method. According to Gadamer's hermeneutics, understanding cannot surpass description, and, besides, there can be no single correct description of nature. Based on this, Rorty concludes that no "insights" of scientists can claim a privileged description if it is based on argument. This is a justification for the fact that rhetoric should be the main tool in the methodology of new neopragmatism. It is shown that Rorty's efforts are aimed at understanding how Gadamer's description of philosophical thought can be integrated with alternative descriptions used by analytic philosophers.

References

1. Rorty, R. (ed.) (1967) *The Linguistic Turn*. Chicago: University of Chicago Press.
2. Rorty, R. (1997) *Filosofiya i zerkalo prirody* [Philosophy and the Mirror of Nature]. Translated from English by V. Tselishchev. Novosibirsk: Sibirskoe universitetskoe izdatelstvo.
3. Gadamer, H.-G. (1986) *Reason in the Age of Modern Science*. Cambridge: The MIT Press.
4. Geuss, R. (2008) Richard Rorty at Princeton: Personal Recollections. *Arion*. 15.3
5. Bernstein, R. (2010) *The Pragmatic Turn*. New York: Polity.
6. Margolis, J. (2007) *Pragmatism without Foundations: Reconciling Realism and Relativism*. New York: Continuum.
7. Rorty, R. (2000) Being that can be understood is language. *London Review of Books*. 22(6).
8. Hintikka, J. (1998) Who is about to Kill Analytic Philosophy. In: Biletzki, A. & Matar, A. (eds) *The Story of Analytic Philosophy*. London: Routledge.
9. Kuhn, T. (2003) *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The Structure of Scientific Revolutions]. Translated from English by I.Z. Naletov. Moscow: AST.
10. Latour, B. (2013) *Nauka v deystvii: sleduya za uchenymi i inzhenerami vntri soobshchestva* [Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers Through Society]. Translated from French. St. Petersburg: European University.
11. Hacking, I. (2004) *Historical Ontology*. Cambridge: Harvard University Press.
12. Davidson, D. (1993) Ob idee kontseptual'noy skhemy [On the Idea of a Conceptual Scheme]. In: Gryaznov, A.F. *Analiticheskaya filosofiya: izbrannye teksty* [Analytical Philosophy. Selected Texts]. Moscow: Moscow State University.
13. Putnam, H. (2002) *Razum, istina i istoriya* [Reason, Truth, and History]. Translated from English. Moscow: Praksis, 2002.
14. Lewis, D. (1973) *Counterfactuals*. Cambridge: Harvard University Press.
15. Kripke, S. (1970) *Naming and Necessity*. Cambridge: Harvard University Press.
16. Russel, B. (2003) *Istoriya zapadnoy filosofii* [History of Western Philosophy]. Translated from English by V. Tselishchev. Novosibirsk: Sibirskoe universitetskoe izdatelstvo.
17. Moran, D. (2010) Analytic philosophy and continental philosophy: four confrontations. In: Schmitt, A.D. (ed.) *The History of Continental Philosophy*. Durham: Acumen Publishing Limited.
18. Firth, M. (2000) Being that can be understood is language Richard Rorty on H.-G. Gadamer. *London Review on Books*. 22(6). [Online] Available from: <https://www.lrb.co.uk/the-paper/v22/n06/richard-rorty/being-that-can-be-understood-is-language> (Accessed: 18th February 2020).